

Дворец Лююэ.

Квадратная деревянная ограда в круглом окне отбрасывала бесчисленные тонкие нити тени на стол. Вместе со светом двигались и тени. Движущиеся облака отражали на подоконник теплый свет цвета индиго.

Дым постепенно поднимался вверх, и густой аромат ладана окрашивал черное платье Сына Неба с золотой подкладкой. Юный Сын Неба слегка откинулся назад, хмуро глядя на густой дым ладана.

□□Вдовствующая супруга Чжао подпирала лоб ладонью, засыпая. Она носила свои длинные хучжи, а между пальцами были видны глубокие, длинные линии ее морщин.

«Мать-консорт...»

□«Сын-император.» Вдовствующая супруга Чжао не открывала глаз, все еще сохраняя изможденный вид. «Ты пренебрег своим высоким положением и пришел сюда к своей матери-консорту только ради того, чтобы забрать с собой эту служанку?»

Юный Сын Неба был ошеломлен этим ее предложением и на мгновение задумался, прежде чем ответить: «Мать-консорт, вы знаете, что Пейюнь несправедливо обвинили. Она оставалась рядом с этим императором с юных лет, она всегда была честной и благоразумной...»

□□Вдовствующая супруга Чжао холодно улыбнулась и подняла глаза. Они были полны насмешки, когда она пристально посмотрела на него: «Император-сын, люди меняются».

Император был ошеломлен, явно почувствовав, что отношение его Матери-Консорты резко изменилось.

В прошлом она жаждала славы и денег. Она вела себя властно и деспотично, но по отношению к своему сыну она всегда проявляла искреннее рвение. Она предвидела его приход и постоянно болтала с ним, давая ему целую гору заботы, в которой он не нуждался. Каждый раз, когда он хотел уйти, ее глаза наполнялись грустью и нежеланием.

Теперь эта дворцовая дама, которую он так крепко держал в своей ладони, смотрела на него холодным взглядом, словно чужой человек. Он почувствовал, как внутри него расцветает какое-то безумное беспокойство, он не знал, что делать.

«Мать-консорт, у вас должно быть какое-то недопонимание по поводу всего этого дела». Он вздохнул: «Этот император хотел, чтобы Пейюнь присматривала за принцессой: следила за ее трехразовым питанием, играми, обучением, и за остальными мелочами. Она не утаивала ни слова, когда сообщала все этому императору. Что касается того евнуха, с которым она обменивалась информацией, он был просто тем, кто передал сообщение».

Он немного поколебался, прежде чем несколько неохотно признать: «Сонгмин — младшая сестра этого императора. Как мое величество могло не заботиться о ней? ... Это был единственный подходящий способ взять на себя роль старшего брата...»

Вдовствующая супруга Чжао молча уставилась на стол, на ее глазах появился водянистый туман.

«Именно этот император отправил Пейюнь во дворец Фэнъян, потому что я чувствовал, что она ведет себя правильно и осторожно. Она была спокойной и вела себя согласно правилам

приличия. Если бы она защищала и направляла принцессу, это определенно было бы полезно для Сонгмин».

«...хорошее поведение и чувство приличия...» Вдовствующая супруга Чжао внезапно напряглась, как будто услышала что-то нелепое. Она напряженно посмотрела на Императора: «Ты думал, что эта твоя Мать-Консорт была бесчестной и вульгарной? Что у меня не было возможности учить свою дочь?»

Сын Неба был ошеломлен: «Этот император... Это не то, что этот император...»

Он посмотрел в залитые кровью глаза вдовствующей супруги Чжао и понял, что они не могут нормально общаться, и разочарованно сдался.

Дуэт матери и сына надолго погрузился в молчание. Атмосфера была тяжелой и жесткой. Он взял на себя инициативу заговорить: «Мать-консорт, в вашем сердце всегда был гнев. Это гнев на этого сына за то, что он не позволил матери-консорту стать вдовствующей императрицей?»

Губы вдовствующей супруги Чжао изогнулись в пустой, холодной улыбке.

Император терпеливо продолжал: «Вы подарили мне жизнь и вы — мать Нации. Естественно, ваше положение достойное и возвышенное, здесь нечего презирать».

Эти его слова были несколько острыми и звучали чрезвычайно резко, ударив ножом в больное место вдовствующей супруги Чжао. Она сильно взбесилась, и ее грудь долго вздымалась, прежде чем она заговорила дрожащими губами: «Ты все еще не хочешь отпустить то, что произошло десять лет назад! Ты упрямо утверждаешь, что я был не права и из-за этого я никогда не могу поднять голову перед тобой... Как ты думаешь, для кого я все это делала? Попробуй-ка, взгляни на это!»

Сына Неба тоже вспылil: «Этот император вырос в бывшей резиденции вдовствующей императрицы. Я никогда не испытывал недостатка в еде и питье и был очень хорошо защищен. О чем могла волноваться Мать-Консорт? Погоня за славой и богатством ценой человеческих жизней, только не говорите мне, что все это было ради этого императора?!»

«Она хорошо тебя защищала и воспитала?» Глаза вдовствующей супруги Чжао наполнились слезами. Ее рука вцепилась в ткань вокруг талии, как будто она пыталась подавить взрыв ярости: «Я ничего не стою! Мой собственный сын не близок со мной. Хорошо ли он ел, хорошо спал или даже ходил в школу... Я ничего из этого не знаю!» Извергнув эту речь, она, по сути, стиснула зубы: «Сын, ты понимаешь сердце матери?»

Ее яростный взрыв заставил Императора неловко замолчать.

Он привык отдавать команды железной рукой, и, столкнувшись с реакцией, к которой он совершенно не привык, он почувствовал, что увязает в болоте. Он совершенно не знал, что делать с обидами и любовью, накопившимися за годы.

Десяти лет хватило бы, чтобы даже самые близкие люди превратились в чужих.

После ее вспышки атмосфера стала одновременно душной и уродливой. Слезы вдовствующей супруги Чжао текли быстро, как ручей, портя и пачкая ее густой макияж. До того, как ее выдали замуж, она сидела в карете семи ароматов, и бесчисленное количество людей восхищались этой мисс Чжао. Она была желанной, красивой и благородной, но в конце концов все же превратилась в запертую старую мать, застрявшую глубоко в стенах замка.

Прошлое уже было в прошлом. Не было смысла гнаться за ним.

Она заговорила только после того, как прошло много времени. Она говорила долго и широко, без какого-либо четкого указания на то, с кем она разговаривала. Голос у нее был низкий, почти хриплый, как старое расшатанное колесо: «Знаешь? Когда твой дядя умер, он потянул меня за руку и вручил мне нефритовую табличку семьи Му. Слезы катились по его лицу, когда он отдавал своих детей мне на попечение. Я была совершенно поражена в то время, я ясно это помню. Я не понимала, почему даже после того, как он прожил такую славную жизнь, женился на потрясающей женщине и воспитал сыновей и дочерей, он все равно будет так заботиться о диком ребенке...» Она посмотрела на Императора и улыбнулась с бледным лицом: «Теперь я понимаю. Это было проклятие. Наша семья Чжао давно привыкла добиваться своих целей всеми правдами и неправдами, брать чужих детей ради обретения пустой славы. Полагаю, возмездие придет за нами.»

Сын Неба не до конца поверил ей.

Его супруга-мать вдруг заговорила о его дяде по материнской линии, дяде, который умер уже семь или восемь лет назад. Перед смертью он не был близок к императорской семье, и даже когда он умер, его уход с земли не вызвал ажиотажа. Он был просто кем-то, кто был почти полностью забыт людьми.

Он почувствовал себя странно, услышав это, но не хотел слишком глубоко задумываться.

Его время было ограничено. На этот раз у него была только одна цель: облегчить свои отношения с вдовствующей супругой Чжао и заставить ее отпустить Пейюнь. Все остальное вообще не входило в его планы. □□

Он вынул из рукава шкатулку из сандалового дерева и осторожно поставил ее на стол. Он бросил взгляд на выражение лица вдовствующей супруги Чжао и сделал первый шаг, чтобы ослабить свою позицию: «Сын пришел сегодня не для того, чтобы ранить сердце матери-консорта. Прошло так много лет, и есть много мест, которые ваш сын тоже не понимает. Сегодня я принес подарок, матушка-консорт, пожалуйста, прости меня.»

Вдовствующая супруга Чжао слабо подняла коробку и открыла ее, чтобы взглянуть. Она вдруг сделала вид, что ей в голову ударила молния, лицо ее побледнело, как никогда, а рука начала ужасно дрожать. Через какое-то время она сказала: «Что это...»

Император не почувствовал изменения в выражении ее лица, когда смотрел на коробку. Он проницательно ответил: «Это прах из континента Тяньчжу. Легенды гласят, что эта буддийская шарира [1] является самым ценным сокровищем в буддизме. Этот император подумал, что, поскольку Мать-консорт искренне поклоняется Будде, то вам это определенно понравится. Поэтому этот император специально подарил его вам...»

«Пепел... буддистская шарира...» Вдовствующая супруга Чжао, казалось, не слышала его, поскольку ее руки дрожали все больше и больше. Внезапно ее глаза закатились, и она упала со стула.

«Буддийская Шарира?»

Линг Мяомяо потеряла дар речи: сколько вещей не рассказала эта женщина? Сколько было версий событий того дня?»

«Мисс Линг... Вы знаете, что такое буддийская шарира?» Гуо Сю вытер пот со лба. В знойную погоду, после двух поездок, проведенных под солнцем, его одежда промокла так, словно его выловили из пруда. «Ради этой шарире вдовствующая супруга до сего дня находилась в полумертвом состоянии; Если вы заговорите об этом, она сойдет с ума!»

Он прижал руку к животу, тяжело дыша,

Линг Мяомяо попробовала подтвердить еще раз: «Вы сказали, что Ее Высочество вдовствующая супруга была тем, кто получила буддистское сокровище, шариру, из Тяньчжу, и что у нее закружилась голова от одного лишь взгляда на нее?»

Гуо Сю кивнул: «Мисс Линг, вы могли не знать». Он наполовину наклонился и несколько неловко понизил голос: «Как только это произошло, дворец Лююэ превратился в беспорядок. Женщина-чиновница рядом с ней могла рассказать все только этому скромному чиновнику. Первоначально, десять лет назад, этот человек по имени Тао Ин привел монахов во дворец, но не ради обучения буддизму. Это было сделано ради представления сокровища, шарире, которое было сокровищем буддийского храма в Тяньчжу. Вдовствующая супруга и его высочество тайно разузнали о нем и очень доверяли его личности. Затем эту шариру поместили в... э-э... на самый верхний этаж предыдущего буддийского храма Синшань.»

Огромный мозг Мяомяо вращался с невероятной скоростью, настолько быстро, что чуть не перегрелся и взорвался.

□□В сюжете оригинальной книги основная точка зрения была полностью сосредоточена на Лю Фуи. Весь этот эпизод был написан с точки зрения Лю Фуи о том, как он храбро ворвался в старый храм Синшань и спас принцессу Дуаньян из места, наполненного призраками. Они вдвоем стали ближе, а атмосфера стала более двусмысленной после совместного прохождения через испытания и невзгоды. Как бы Му Яо внутренне ни винила себя, как бы ни был труден путь к любви для нее... там не описывалось абсолютно ничего о ситуации Му Шэна! Так что, в конце концов, Черный Лотос и она, эти два человека должны были продолжать сюжет, не имея ни малейшего представления о ситуации, совершенно слепо направляясь на это дело.»

Она была всего лишь студенткой университета. У нее не было достаточного интеллекта, но у Му Шэна он, определенно, был. К сожалению, его интересовало не решение вопроса, а только наблюдение за возникшей суетой.

Этого сумасшедшего героя-кондора и его слепого компаньона только дурак может считать надежными.

Линг Мяомяо пришлось терпеть эту головную боль: «Вы сказали, что Тао Ин подарил шариру и поместил ее в старом храме. По здравому смыслу, шарира должна была сгореть дотла... Так что же именно привез его величество? Эта шарира — самое ценное сокровище буддийского храма, это не просто камешек, который можно найти где угодно на земле...»

Гуо Сю посетовал: «Вот что во всем этом странного! Шарира, которую принес Его Высочество, явно должна была быть доставлена через горы и моря старшим монахом! Это абсолютно не может быть тем, что Тао Ин...»

«Значит, вы говорите, что шарира, которую привез Тао Ин, была подделкой? И все же каким-то образом ему удалось обмануть и предыдущего императора, и вдовствующую супругу Чжао, заставив их поверить, что это настоящая Шарира? Консорт Чжао так долго и тщательно защищала ее, но после того, как сегодня увидела настоящую, она вдруг почувствовала, что ее обманули... а потом... потеряла сознание от гнева?»

Мяомяо не могла продолжать говорить в этот момент, она обернулась и посмотрела на вечно молчавшего Му Шэна. Она увидела, что он по-прежнему рассеянно смотрит в землю, и не могла не ткнуть его локтем: «Что ты думаешь?»

Му Шэн скривил губы в холодной усмешке: «Чжао Циньру родилась в большом и могущественном клане, и она также стала избалованной наложницей. Из всех сокровищ, находящихся под небесами, она видела многие, если не большинство из них. Как мог ее так легко увести за нос какой-то незнакомец с фальшивым сокровищем?»

Гуо Сю онемел и потер нос: «Молодой Благородный Му имеет в виду... Шарира Тао Ина была действительно настоящей?»

«Было ли это на самом деле, я не знаю. Но что я знаю точно, так это то, что это определенно выглядела очень свято». Му Шэн взглянул на Гуо Сю, и его ухмылка стала еще более странной: «Ты думал, что просто потому, что Тао Ин мог крутить четки, ему удалось обмануть Чжао Циньру?»

"Клац" прозвучало в голове Линг Мяомяо, словно цепи, сцепившиеся вместе, весь процесс медленно слился в последовательную, неразрывную линию.

Вдовствующая супруга Чжао сказала, что полностью верит Тао Ину.

В мире не было настоящих живых будд. Что он сделал, чтобы заставить вдовствующую супругу Чжао полностью сфокусироваться на служении будде за такой короткий промежуток времени? Он был подобен даосскому бессмертному, спустившемуся с небес, заманивающему ее шаг за шагом, даже осмеливающемуся попытаться сжечь ее дочь...

Так что, если духовным и просвещенным был не Тао Ин, а скорее "сокровище" в его руках?

«Мне это совсем не кажется святым! Это зло!» Мяомяо вцепилась в одежду Гуо Сю, выплевывая слова со скоростью пулемета: «Она сказала, куда положила шарину?»

«Куда...» Гуо Сю был так засыпан вопросами, что у него закружилась голова: «Разве она не находился над пагодой в старом храме?»

Мяомяо холодно усмехнулась: «Что за шутка. Если бы эта штука действительно сгорела дотла десять лет назад, сегодня у нее не закружилась бы голова.

Вдовствующая супруга Чжао совершала буддийские церемонии не ради стабилизации своих внутренних мыслей, а ради надежды на то, что ее желания и мечты, наконец, исполнятся. Она была очень целеустремленной женщиной. Будь то церемонии, практика буддизма или общение со злыми культами, до тех пор, пока они могли помочь ей достичь ее желаний, она осмелилась бы рискнуть и попробовать их все.

Вдовствующая супруга Чжао, чье сердце было полно желаний, все еще могла совершать буддийские обряды даже после того, как злой культ сжег храм Синшань... с самого начала это было довольно богохульно.

Как она могла отказаться от шареры с такой фантастической силой, наполненной ее желаниями? Как она могла допустить, чтобы жемчужина ее сердца была покрыта грязью? Если бы она отвлекла внимание от этой своей гигантской тайны, зарытой в огненном море, то могла бы продолжать тайно использовать ее для себя...

Однако, как только она, наконец, увидела настоящую Шариру после бесчисленных лет моления на подделку, к которой она относилась как к настоящему буддийскому сокровищу, она наконец поняла, что самом деле это сокровище было источником всех ее бедствий; Как она могла не потерять сознание!

«Вдовствующая супруга Чжао постановляет...»

□□Несколько всадников внезапно ринулись вперед, всадник впереди нес деревянный ящик, выкрашенный красным лаком, в обеих руках. Поверх нежно-зеленого атласа, оборачивающего коробку, была помещена нефритовая пластинка размером с ладонь с красными нитями внизу, собранными в кисточки.

«Я пришел с нефритовой табличкой семьи Му! Юный Благородный Му, позволь своей выдающейся личности немедленно отправиться в храм Синшань, чтобы найти и вернуть шариру во дворец Лююэ! Отправляйтесь сию же секунду!»

Му Шэн бросил косой взгляд на нефритовую табличку и отреагировал так, как будто увидел, как его учитель вручает ему домашнее задание, нахмутив брови с полным нежеланием в его тоне: «... Му Шэн последует приказу».

~~~~~

[1] Шарира - религиозное сокровище в буддизме, аналогично христианским святым мощам. Образуется, когда при сожжении святого тела его прах не улетучивается, а оседает в состоянии "камня".

<http://tl.rulate.ru/book/44922/3131408>